Соловьянов, А.П. Влияние войн и голода на рост численности беспризорников и правонарушений несовершеннолетними в БССР в 1920-е гг. / А.П. Соловьянов // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 133-144.

А.П. Соловьянов

ВЛИЯНИЕ ВОЙН И ГОЛОДА НА РОСТ ЧИСЛА БЕСПРИЗОРНИКОВ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В БССР В 1920-е гг.

После войн и революций территория бывшей Российской империи напоминала сплошную зону стихийного бедствия. Произошла социальная катастрофа. Как правило, все трагедии и ужасы жизни прежде всего бьют по самым беззащитным, и больше всего по детям. В те годы многие из них лишились родителей, убитых в ходе военных конфликтов, некоторых не смогли прокормить родные. Улицы городов захлестнули волны беспризорных детей. Не имея близких, они скитались в поисках пищи, приюта, просто внимания и, как правило, не находили их. Существуя в условиях законов улицы, часто попадая под влияние преступных элементов, дети становились обозленными, воспринимали окружающий мир как враждебный. Окружающие с опаской смотрели на это. Многие понимали, что без принятия мер, без помощи государства и общества вырвать беспризорников из замкнутого круга не удастся. Государственным органам и общественным организациям предстояло приложить все усилия для спасения самого ценного — жизни и души каждого ребенка и привить ему нравственные ценности и традиции.

Беспризорность не была специфическим явлением Советской власти. Она неминуемо возникает в переломные периоды, когда государство и общество переживают глубокий кризис в экономической, политической и социальной сферах. Беспризорные дети были в царской России, появились они и на постсоветском пространстве после 1991 г.

Целью данного исследования является определение понятия (тер мина) «беспризорность» и его эволюция в 1920-е гг., а также выявление роли военных действий и их последствий на появление массовой детской беспризорности и преступности.

В отечественной и зарубежной историографии причины детской беспризорности рассматривали ряд исследователей. Это прежде всего работы В. Г. Рудкина, А. Д. Григорьева, А. Лукашука [28; 10; 16]. Многие аспекты, характерные для европейской части и в целом территории бывшей Российской империи, осветили Л. В. Блонский и Н. С. Сажи на [1; 30]. Тем не менее отдельные стороны проблемы, характерные для территории Беларуси, остались неосвещенными. В частности, понима-

ние явления беспризорности на местном уровне, имевшего существенные отличия от установок центра. Мало исследованы многие особенности БССР как территории, на которой непосредственно велись боевые действия, значительно повлиявшие на ухудшение положения несовершеннолетних. К таким можно отнести последствия жесткой оккупационной политики, концентрацию войск, беженство, эпидемии и т. д.

В период с 1917 до 1926 г. точного определения понятию «беспризорный» не существовало, поэтому его трактовка была широкой и не ясной. Некоторые исследователи (М. Н. Гернет, П. И. Люблинский, В. И. Куфаев и др.) предлагали свои определения понятия беспризорности [4; 17; 15]. Данная дефиниция уточнялась также циркуляром Главного управления социального воспитания (Главсоцвоса) Народного ко миссариата

просвещения (Наркмпроса) РСФСР от 22.05.1924 г., но окончательное определение понятия «беспризорный» дало постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 08.03.1926 г. [11, с. 233—238]. Этот документ разделил детей на собственно беспризорных и нуждающихся «в мерах временной или частичной помощи и воспитании».

Беспризорными стали признаваться только дети до 16 лет: а) которые не имели родителей, взрослых братьев, сестер, способных принять на себя заботы о них; б) потерявшие связь с родителями и родственниками; в) изъятые из семьи постановлением суда или комиссией по де лам несовершеннолетних; г) подкинутые. Под нуждающимися «в мерах временной или частичной помощи и воспитании» понимали детей, родители которых или опекуны вследствие болезни или по другим при чинам не в состоянии были содержать их.

Итак, в 1920-е гг. под беспризорностью понималось отсутствие у детей и подростков постоянного места жительства, определенных занятий, семейного или государственного попечения и систематического воспитательного воздействия в результате потери родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательного учреждения. Из всей массы беспризорных наиболее нуждающимися в полном обеспечении и воспитании признавались категории беспризорных бездомных и беспризорно заброшенных, в то время как беспризорные безнадзорные считались лишь нуждающимися в охране и в мерах временной или частичной помощи и воспитания [30, с. 35—36].

В Беларуси также обсуждался вопрос об определении беспризорности, но не в теоретическом, а практическом, жизненном плане. Если в общесоюзном центре делали хоть какие-нибудь различия в определениях, то на местах, даже на республиканском уровне, не вдавались в детали.

У местных властей, ведающих волостями, уездами и округами, не возникало сомнений по поводу разграничения понятий и категорий. На практике было видно, какой ребенок нуждается в помощи, но, правда, оказать ее могли далеко не всем. Поэтому на местах не было дискуссий, кого забирать в детский дом, имели место другие споры — каких детей можно возвратить родителям или родным. Анализ документов показывает, что если бы имелись места, то взяли бы всех. Главенствовала ситуация. На пример, в 1922 г. в детских учреждениях воспитывались ребята из голо дающих регионов, у которых родители также находились в эвакуации в Беларуси. Однако жизненные условия беженцев были настолько удручающими, что отдел народного образования (ОНО) не решался сокращать их чад из детских домов. Поэтому, на наш взгляд, вопрос, какого ребенка нужно считать беспризорником, а кого безнадзорником, носил в то время чисто теоретический характер, мало соотносящийся с жизненной действительностью и необходимый разве что в статистике.

Один из делегатов съезда уездных уполномоченных Центральной Комиссии по улучшению жизни детей при ЦИК БССР (ЦК Помдет), состоявшегося 11.05.1924 г. в Минске, высказал мнение о необходимости разделения беспризорных на две категории: остробеспризорных и полубеспризорных. Однако беспризорными съезд посчитал детей, на ходящихся в условиях, которые создают из них элементов, социально опасных для рабоче-крестьянского государства [21, л. 28]. Данная формулировка даже звучит довольно странно. Получалась запутанная ситуация: если ребенок не воровал, а тихо просил милостыню, то он не считался беспризорным и не нуждался в государственной и общественной защите. Неопределенность понятия «беспризорник» подчеркивала путаница с этим термином в отчетах. Беспризорниками называли и воспитанников детдомов, и малолетних «жителей улиц» [7, л. 30].

В резолюциях, вынесенных на Всебелорусском учительском съезде в 1925 г., упоминаются только две категории — сироты и бесприютные [29, с. 151]. По сути, разделение шло на тех, кто имел местожительство, и тех, кто ночевал на улице.

Определение «безнадзорность» крайне редко встречается в документах, практически не употребляется на республиканском уровне, а если и применяется, то как синоним «беспризорности». В основном им обозначали детей алкоголиков либо ребят, страдающих от жестокости своих родителей или лиц, их заменяющих (отчима, мачехи). В целом они составляли небольшую часть от общей массы, поэтому и дефиниция применялась нечасто.

В 1926 г. в постоянное белорусское представительство при правительстве СССР был послан отчет о состоянии охраны детства в БССР, который частично разрешил спорную дилемму. По нему беспризорными считали бездомных детей, ведущих бродячий образ жизни, а также нуждающихся безнадзорных ребят. Последними являлись дети, в отношении которых их родители не имели возможности исполнять своих обязанностей и которые находились под влиянием неорганизованного окружения и в будущем могли стать социально опасными элементами общества [22, л. 8]. Термины «беспризорность» и «безнадзорность» фактически слились в один — «беспризорность».

Актуальным является вопрос о причинах беспризорности. Исследуя его, нужно рассматривать явления, характерные как для СССР в целом, так и для Беларуси, поскольку многие события, происходящие в общем государстве, несомненно, влияли на рост беспризорности и на рассматриваемой нами территории. Кроме того, беспризорные дети в поисках приключений, лучшей жизни перебирались из Беларуси в другие части страны и, наоборот, приезжали в Беларусь, например, из Поволжья, Татарстана и др. Особо опасные несовершеннолетние правонарушители направлялись в учреждения РСФСР. Данное исследование не ставит целью разграничение беспризорных детей по национальной принадлежности, что, в принципе, невозможно и не нужно. По этому целесообразно и необходимо рассматривать в комплексе причины, приводящие к беспризорности детей, не отделяя «своих» сирот от «чужих». В противном случае найти истинные «корни» сиротства и создать целостную картину развития данного явления не представляется возможным.

Можно выделить следующие важнейшие причины массовой беспризорности:

Основным фактором сиротства являлась Первая мировая война. Только безвозвратные потери русской армии в 1914—1917 гг. составили 1 млн 997,7 тыс. чел. [31, с. 472]. В белорусских губерниях в действующую армию было мобилизовано 50 % мужчин. Многие из них погибли на фронтах. Естественно, были жертвы и среди гражданского населения на оккупированных противником территориях. Вследствие страшных потерь солдат и массового уничтожения мирного населения немецкими войсками многие дети остались сиротами.

Во время боевых действий на территории Беларуси разрушались го рода и деревни, уничтожались материальные и духовные ценности. Ухудшилось материальное положение крестьянских масс. Оккупанты

проводили массовые реквизиции сельскохозяйственной продукции, вывозили сырье и промышленное оборудование в Германию.

Концентрация войск в приграничной полосе дала большое количество внебрачных детей, которые впоследствии в большинстве попали в категорию беспризорных.

Война обусловила огромное количество беженцев. Начиная с 1915 г. на восток, уходя от противника, потянулось население западных окраин царской России. В основном их путь лежал через Беларусь, которая превратилась в лагерь беженцев. Положение эвакуированных было катастрофично. Голод, плохие, а нередко и отвратительные жилищные условия, отсутствие элементарных санитарных условий способствовали развитию болезней, в том числе широкому распространению эпидемий. Крайне высокой была смертность. Помещик Бобруйского уезда Станкевич писал 08.09.1915 г. Председателю Совета Министров: «В моем дворе и садах помещается 30—40 тыс. несчастного народа, холодного и голод ного, холера забирает ежедневно массу жертв, лежит падаль, которую никто не убирает, во флигеле десятки холерных больных, санитарной помощи никакой, воздух ужасный, народ уезжает, а новоприбывшие занимают их места в сплошной грязи и тут же умирают» [12, с. 836].

Дети умерших оставались без присмотра на территории Беларуси. Современник тех событий, в дальнейшем инспектор по делам несовершеннолетних и правовой защите детей Борисовского округа Л. Родштейн, указывал, что многие из эвакуированных «в 1915 г., во время массового бегства и выселения из военной полосы, оказались в Борисове. Тут начались эпидемические заболевания. Вдоль железнодорожной линии были открыты заразные бараки, где беженцы болели и умирали. Дети их разошлись по всему уезду» [27, с. 43]. Такая ситуация была типичной. Некоторые из белорусских ребят, ставших таким образом си ротами, направлялись дальше в глубь России и особенно в Москву. В октябре — декабре 1915 г. их насчитывалось здесь 2181 чел., а в январе — феврале 1916 г. прибыло еще 835 чел. [4, с. 16]. Согласно данным НКВД РСФСР, на 11.05.1918 г. в России жило 2 292 395 беженцев из Беларуси [32, с. 339—340]. Движение беженцев было стихийным, никакого плана эвакуации не существовало. Нередко уже в эвакуации родители умирали, оставляя своих детей сиротами. В 1918 г. волна беженцев пошла в обратном направлении. Возврат мирных жителей увеличился после войны с Польшей. Беларусь (в особенности Минск) стала цент ром скопления беженцев, возвращающихся к себе на родину (Польшу, Литву и др.) [8, л. 71]. Особенно возрос обратный поток беженцев с се-

редины 1921 г. в связи с засухой, охватившей Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ, Крым, юг Украины. Тысячи из них умирали от эпидемий (в основном тифа), голода и холода. С января 1921 г. по апрель 1922 г., согласно сведениям Белорусской эвакуационной комиссии, через минский вокзал прошли 251 734 беженца. Почти для каждого третьего Минск стал конечной станцией. С самих поездов было снято 20 000 трупов [16, с. 76, 87]. Передвижение беженцев также пополняло число беспризорных. Дети терялись, отставали и т. д. Миллионы детей остались без отцов и матерей.

Очень часто дети, желая уехать на родину за границу, не могли ее пересечь и вынуждены были оставаться в Минске, поскольку выехать было невозможно, что увеличивало количество беспризорных.

Другой причиной возникновения массовой беспризорности явились гражданская война и иностранная интервенция. Общее число жертв гражданской войны, интервенции и вызванных ими волн голода и эпидемий в целом по Советскому государству составило по разным оценкам от 3,5 до 12,7 млн чел. [13, с. 7—8]. Проблема беспризорности еще более усугубилась.

Беларусь наиболее пострадала от войны с Польшей. В ходе боевых действий на территории Беларуси уничтожались или разорялись города, местечки, деревни, а также было убито много людей, что вновь вы звало увеличение числа беспризорных. Витебский губернский отдел социального обеспечения констатировал 24.10.1919 г., что «в местностях нашей губернии, пострадавших от военных действий, сплошь и рядом

встречаются целые деревни и местечки, а также и отдельные сожженные артиллерийским огнем, разграбленные, разгромленные польскими бандитами, осиротевшие семьи, искалеченные граждане и т. д. » [2, с. 22]. На захваченной территории польские войска беспощадно расправлялись с пленными красноармейцами, а также с попавшими в их руки большевиками и комсомольцами. Много сел, местечек и городов было выжжено во время отступления из Беларуси польских войск в 1920 г. Все это привело к страшному разорению и обнищанию населения и появлению большого количества сирот и полусирот. Губительность войны для местного населения иллюстрирует отступление польских частей из Бобруйска. В телеграмме командования 16й армии народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину указывалось: «В ночь с 9 на 10 июля перед отходом польскими солдатами был проведен организованный грабеж всего города. Все лавки, магазины разгромлены, товар разворован. Под угрозой смерти солдатами вымогалась взят-

ка. Польским командованием расстреляно 10 подпольных партийных работников. Спалены все склады, хлева, товарные станции, пристань и все мосты. Бобруйская крепость, которую облили мазутом и газом, горит четвертый день. Все фабрики и заводы взорваны или спалены. Спален и центральный базар и ремесленное училище. Согнан весь скот и подводы с местных деревень. Нету ни одной деревни в Бобруйском у., где бы белополяки не расстреляли несколько крестьян. Грабеж, террор, поджог вошли в систему при отступлении польским командованием» [25, с. 227—229].

В постановлении III сессии ЦИК Советов БССР в 1923 г. отмечалось: «Польская армия — представительница цивилизованного капиталистического мира — считала, что лучшей памятью о цивилизации Запада будут разрушенные города, взорванные фабрики, десятки тысяч разрушенных хозяйств» [23, с. 12].

В ходе раздела Беларуси оказались разделенными и некоторые семьи. В детдомах воспитывались дети, родители которых находились в Польше [9, л. 631].

Беспризорность в Беларуси била все рекорды. Все вышеперечислен ные войны являлись основными причинами беспризорности. Так как в ходе войн гибли в основном мужчины, в стране было нарушено соотношение полов. Женщина, оставшаяся с детьми без мужа, часто была не в состоянии прокормить их. Воспитывать детей одной также было очень тяжело. Все это самым пагубным образом отражалось на поло жении с детской и подростковой беспризорностью [1, с. 45].

Значительно ухудшил положение многих несовершеннолетних бандитизм. Он развернулся с осени 1920 г. Исследователь Р. П. Платонов отмечает: «Политический и криминальный бандитизм, социальную базу которого составляли офицеры белой армии, дезертиры из Красной Армии, криминальные элементы, антисоветски настроенная часть зажи точных крестьян, некоторые группы среднего и беднейшего крестьянства, которые попали в бандитские формирования по самым разным причинам, весной 1921 г. получил в республике широкое распространение» [26, с. 125]. На территории Беларуси действовали несколько десятков больших и множество мелких банд, в состав которых входило более чем 5 тыс. чел. Около 6 тыс. вооруженных бандитов дислоцировалось в пограничных с Беларусью районах Польши и прибалтийских государств [там же]. С осени 1920 г. по сентябрь 1921 г. на территории республики было совершено около 250 бандитских налетов, сопровождавшихся погромами, насилием и физическим уничтожением населе-

ния, особенно коммунистов и представителей новой власти [6, с. 228]. Согласно сведениям Народного комиссариата социального обеспечения БССР, разгрому подверглось 1748 семей, при этом было убито 1100 чел. [19, с. 7]. Участники банд,

уголовники часто не останавливались перед убийством женщин, стариков и детей. С 1920 по 1922 г. по стране прокатилась волна еврейских погромов [14]. Положение было критическим. Милиция не могла оказать сопротивление бандформированиям. Она на территории Беларуси в это время реальной силы не пред ставляла: отсутствовали обувь, обмундирование, патроны, оружие; не надежным и неблагонадежным было большинство командирского состава; содержание не выплачивалось по три месяца; власти боялись дезертирства значительной части рядового состава [20, л. 21]. Исходя из сложившейся ситуации и информации о подготовке широкого восстания, намеченного на осень 1921 г., руководство ССРБ ввело на всей территории военное положение, которое длилось до апреля 1922 г. Вследствие нападений банд многие дети лишились своих родителей.

Существенно увеличился уровень сиротства в связи с ростом смертности населения. Повышение смертности разъясняется многими обстоятельствами, в числе которых голод, отсутствие медикаментов, раз рушение существовавшей системы здравоохранения. Особую роль сыграли эпидемии. За три года гражданской войны от остроинфекцион ных заболеваний (возвратный, сыпной, брюшной тиф, оспа, дизентерия) погибло более 2 млн чел. [13, с. 7]. В целом в европейской части Советского государства общий коэффициент смертности составлял 40,9 %. Сказывались не только продолжавшиеся военные действия и связанные с этим потери, но и ослабленное здоровье и истощение лю дей, распространение инфекционных болезней, плохое питание и тому подобные факторы. Смертность мужчин была в 1,5 раза выше, чем жен щин. В мирных условиях в европейской части страны общий коэффициент смертности в 1925 г. понизился, но был еще достаточно высоким — 24,1 % [1, с. 31].

Положение в Беларуси было на порядок сложнее. Являясь театром военных действий, начиная с 1914 г. Беларусь больше всех была под вержена различным эпидемическим заболеваниям. Весной 1919 г. в Беларуси свирепствовала эпидемия натуральной оспы. Средств на ее устранение не хватало. Кроме того, возрастали эпидемии скарлатины, сыпного, брюшного и возвратного тифа.

Многие города в первой половине 1920х гг. находились в антисанитарном состоянии (Мстиславль, Бобруйск, Витебск и др.). Даже сто-

личный Минск в связи с отсутствием канализации был загрязнен, вода была грязной, из-за чего могли возникнуть и эпидемии.

Тяжелая эпидемическая ситуация осложнялась развалом существовавшей системы здравоохранения. Трудное положение сложилось с обеспечением лекарствами и перевязочным материалом. Отпуск медикаментов населению производился в минимальных количествах. В это же время начался стихийный наплыв возвращающихся бывших воен \нопленных, многие из которых болели венерическими и заразными болезнями. Все это усугубляло ситуацию.

Как уже отмечалось раньше, потери населения деформировали демографическую структуру общества. Не найдя себе пары, некоторые молодые женщины вынуждены были рожать детей вне брака, попадая тем самым в группу матерей-одиночек. Малейшее ухудшение материального положения могло поставить их детей на грань беспризорности.

Таким образом, становится очевидным, что в течение 1914—1921 гг. страна в целом понесла огромные потери. На начало 1914 г. на территории Беларуси проживало около 7,5 млн чел., на конец 1917 г. — 6,9 млн чел., на начало 1921 г. население Беларуси сократилось до 6,7 млн чел. [5, с. 122]. Таким образом, несложно посчитать, что Беларусь потеряла 800 тыс. чел., или примерно 10,6 % от общей численности населения до Первой мировой войны.

Еще более усугубил ситуацию с беспризорностью массовый голод в Поволжье в 1921—1923 гг. Пик голода приходился на зиму 1922 — лето 1923 г. В это время число

голодавших составляло соответственно 15 и 23 млн чел. В 1923 г. среди них было 12,8 млн взрослых и 11 млн детей. Голоду сопутствовали эпидемии, коснувшиеся полутора миллионов человек, не считая беженцев. В момент наибольшей вспышки тифа и хо леры в марте 1922 г. одновременно болело 160 тыс. чел. Смертность от голода и болезней достигла 10,4 %. Убыль населения в голодных районах (отчасти умершего, отчасти бежавшего) за три года (1920—1923 гг.) составила 4,3 млн чел. [18]. Из пострадавших регионов в Беларусь при бывали голодающие. На заседании Минского совета 23.01.1922 г. председатель ЦИК БССР А. Г. Червяков сделал заявление: «В Минске также существует уголок Поволжья, состоящий из беженцев, прибывших сюда разными путями. Их положение кошмарно, ибо мы не успели подготовиться к такому неожиданному наплыву. Скопление голодных людей, среди которых свирепствует сыпняк, грозит увеличением и ростом эпидемий, захватывающих уже и городское население» [3, с. 4]. Прибывало много детей с родителями и без них. Несмотря на оказываемую по-

мощь, дети часто пополняли ряды беспризорных. В отчете Гомельского губисполкома в то время констатировалось: «Детская беспризорность в Гомельской губернии по многим причинам, а главным образом в связи с прибывающими сюда в неорганизованном порядке детей Поволжья, приняла у нас колоссальные размеры» [24, с. 56].

Были случаи, когда уже на территории Беларуси в семьях из Поволжья родители умирали, а ребята становились беспризорными.

Таким образом, основными причинами детской беспризорности и преступности явились потери в ходе военных конфликтов, революций и голода, спровоцированного засухой и продразверсткой. Часть вины лежит на царском режиме, ввязавшемся в авантюрную для себя Первую мировую войну. Данный военный конфликт имел катастрофические последствия. Миллионы погибших и тяжелораненых, умерших от эпидемий оставляли своих детей сиротами, их дальнейшая жизнь в условиях отсутствия даже одного родителя была трагической. Последовавшие революции, затем интервенция, гражданская война, бандитизм и голод привели к катастрофическим последствиям и массе жертв. Колоссальная смертность взрослого населения провоцировала беспризорность детей и следовавшую за этим преступность несовершеннолетних. Если у сирот и оставались родственники, они часто не могли их содержать из-за крайне бедственного положения.

Да, безусловно, детская беспризорность была и до Первой мировой войны, но последняя явилась катализатором появления огромного количества сирот. На фронтах гибли сотни тысяч солдат. Большое количество детей оставалось без отцов, а значит, и без средств к существованию. В тылу ухудшилась экономическая обстановка, при которой родители и вдовы не могли прокормить своих детей, видя единственное спасение для них в детских домах. Поэтому безрассудное решение царского правительства вступить в войну и, как следствие, прямые потери среди военных и гражданского населения, значительное ухудшение экономической обстановки в стране явились основными причинами детской беспризорности. Российская империя вопреки собственным стратегическим интересам проводила решения, более удобные для союзников, чем для себя. Игнорируя интересы собственного населения, царское правительство привело страну к геополитическому и социально-экономическому краху.

Советской власти в Беларуси досталось тяжелое наследство. Разрезанная фронтом в Первой мировой войне, пережившая немецкую и польскую оккупации, бандитизм Савинкова, Булак-Балаховича респуб-

лика представляла картину полного упадка и запустения. Многие города и местечки были разрушены, дороги испорчены, связь уничтожена, села сожжены. Сельское хозяйство было совершенно истощено часты ми реквизициями, поджогами, грабежами и исключительными издевательствами над крестьянством со стороны оккупантов. Масса населения убежала из своих хозяйств, поля не обрабатывались и находились в упадке. Промышленные предприятия были уничтожены или эвакуированы; те, которые остались, не работали, поскольку не имели оборудования, средств и сырья. Больницы были разрушены и не могли об служивать население. Вся территория республики была переполнена разношерстными бандами, которые своими разбойными налетами усу губили опустошение и увеличили количество сирот. Все вышеперечисленное привело к катастрофическому ухудшению условий жизни детского населения Советской Беларуси.

Значительно увеличил количество сирот последовавший за боевыми действиями рост смертности по причине различных эпидемических заболеваний. Возросла численность беспризорников в Беларуси и по причине голода в Поволжье. Многие из ребят, прибывающих из пострадавших регионов, так и остались в детских учреждениях БССР или в приемных семьях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский, Л. В. Детская беспризорность в СССР периода НЭПа: опыт ликвидации (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. В. Блонский. Саратов, 2004. 217 л.

2. Борьба за Советскую власть в Белоруссии: сб. док. и материалов: в 2 т. / сост.: Т. Ф. Каряева [и др.]. Минск : Беларусь, 1971. Т. 2: Из истории гражданской войны в СССР (февр. 1919 г. — 1920 г.). 631 с.

3. В Минском совете // Звезда. 1922. 26 янв.

4. Гернет, М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России / М. Н. Гернет. М. : Право и жизнь, 1924. 68 с.

5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Экапер спектыва, 2000—2006. Т. 5: Беларусь у 1917—1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. 2006. 615 с.

6. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І. М. Ігнаценка [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1972—1975. Т. 3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917—1937 гг.) / І. Я. Марчанка. 1973. 692 с.

7. Государственный архив Гомельской области. Фонд 24. Оп. 1. Д. 683.

8. Государственный архив Минской области (ГАМО). Фонд 320. Оп. 1. Д. 45.

9. ГАМО. Фонд 323. Оп. 1. Д. 259.

10. Григорьев, А. Д. Социальная работа на Беларуси: история, опыт, проблемы / А. Д. Григорьев. Минск : Дизайн ПРО, 2000. 240 с.

11. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном об разовании: сб. док. за 1917—1947 гг. / акад. пед. наук РСФСР; сост. Н. И. Болдырев. М.; Л., 1947. 320 с.

12. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 4 т. / под ред. В. Н. Перцева [и др.]. Минск : Издво АН БССР, 1953. Т. 3. 1020 с.

13. Жиромская, В. Б. После революционных бурь: население России в первой поло вине 20х гг. / В. Б. Жиромская. М. : Наука, 1996. 154 с.

14. Иоффе, Э. Г. Джойнт в Беларуси / Э. Г. Иоффе, Б. А. Мельцер. Минск : Мэджик Бук, 1999. 94 с.

15. Куфаев, В. И. Юные правонарушители / В. И. Куфаев. 2е изд. М. : Новая Москва, 1925. 350 с.

16. Лукашук, А. Прыгоды АРА ў Беларусі / А. Лукашук. [Б. м.]: Радыё Свабод. Эўропа, 2005. 500 с.

17. Люблинский, П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: соц.правовые очерки / П. И. Люблинский. М. : Юрид. издво Наркомюста, 1923. 302 с.

18. Мейер, М. Другой интернационализм. 1921—1991: 70летие начала великого голо да / М. Мейер // Век XX и мир. 1991. № 2. С. 34—38.

19. Народны камісарыят сацыяльнай апекі Беларускай Савецкай Сацыялістычный Рэспублікі. Мінск : Глаўлітбел, 1924. 72 с.

20. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Фонд 4 п. Оп. 1. Д. 120.

21. НАРБ. Фонд 6. Оп. 1. Д. 420.

22. НАРБ. Фонд 42. Оп. 1. Д. 799.

23. О восстановлении разрушенного города Борисова : постановление III сессии ЦИК Советов БССР, 31 июля 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочекрестьян. правительства БССР. 1923. № 13/14. Ст. 130.

24. Отчет Гомельского губернского экономического совета к 1 окт. 1921 г. Гомель : Госиздат, 1921. 147 с.

25. Памяць: Бабруйск: гіст.дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: В. П. Алім бачкоў [і інш.]. Мінск : Вышэйш. шк., 1995. 765 с.

26. Платонаў, Р. П. Беларусь у міжваенны перыяд / Р. П. Платонаў // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў / І. М. Абрамаў [і інш.]; рэдкал.: А. П. Вайтовіч [і інш.]. Мінск, 2000. С. 125—165.

27. Родштэйн, Л. Дзіцячая бяспрытульнасьць, злачыннасьць і спосабы барацьбы з імі / Л. Родштэйн // Асвета. 1926. № 1. С. 43—46.

28. Рудкин, В. Г. Борьба с детской беспризорностью в БССР (1921—1931 гг.): дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Г. Рудкин. Минск, 1981. 198 л.

29. Рэзалюцыі, вынесеныя на Усебеларускім настаўніцкім зьезьдзе // Асвета. 1925. №1. С. 149—156.

30. Сажина, Н. С. Деятельность государства и общественных организаций по ликви дации детской беспризорности в 1921—1928 гг.: на материалах Урала: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. С. Сажина. М., 2003. 174 л.

31. Селіванаў, П. Першая сусветная вайна 1914—1918 / П. Селіванаў // Энцыклапе дыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш]. Мінск, 1999. Т. 5: М — Пуд. С. 472—476.

32. Скалабан, В. У. Бежанцы / В. У. Скалабан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1999. Т. 1: А — Беліца. С. 339—340.